

Шалимова Надежда Сергеевна

РОМАН ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА "НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ" КАК РОМАН-ИНИЦИАЦИЯ

В статье произведение Дж. Д. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" рассматривается как роман воспитания, в котором воплощён нарратив обряда инициации. Анализ повествовательной модели строится как конструирование основных этапов обряда с выявлением нарративных особенностей типологии, её функционирования и трансформации. Рассматриваются тип героя, события, тип повествования и хронотопа в произведении Дж. Д. Сэлинджера как романе-инициации. Воплощая основные этапы обряда, нарратив инициации в романе "Над пропастью во ржи" транслирует его распад и потерю значения в современном обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 202-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-311.1

Филологические науки

В статье произведение Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» рассматривается как роман воспитания, в котором воплощён нарратив обряда инициации. Анализ повествовательной модели строится как конструирование основных этапов обряда с выявлением нарративных особенностей типологии, её функционирования и трансформации. Рассматриваются тип героя, события, тип повествования и хронотопа в произведении Дж. Д. Сэлинджера как романе-инициации. Воплощая основные этапы обряда, нарратив инициации в романе «Над пропастью во ржи» транслирует его распад и потерю значения в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: обряд инициации; сегрегация; транзикация; агрегация (инкорпорация); роман-инициация; тип героя.

Шалимова Надежда Сергеевна

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
dm561@ya.ru*

РОМАН ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» КАК РОМАН-ИНИЦИАЦИЯ[©]

В литературоведении были рассмотрены обряды перехода, нарратив инициации освещался в контексте изучения романа воспитания и волшебной сказки [5]. Целью статьи является исследование повествовательной модели произведения Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как романа-инициации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выделение основных этапов обряда в художественном пространстве романа, определение структурных единиц нарратива, а также выделение критерия прохождения/непрохождения инициации. Представления об инициации являются основой для мифологического моделирования «романа воспитания», поскольку исторически инициация была древнейшей формой воспитания, подготовки неопита к участию в хозяйственной, военной и религиозной жизни взрослых членов племени. В романе воспитания актуализируется архетипическая сущность обряда как самой важной ступени взросления и развития, «само –воспитание» в таком романе было своеобразным эквивалентом и наследником архаической инициации» [3, с. 165]. Нарративная схема романа, как и схема сказки, распадается на три части, а движение героя между локусами художественного пространства символически соответствует этапам обряда. Инициация состоит из трех этапов:

- сегрегация – отделение неопита от привычной среды и разрыв с прошлой жизнью;
- транзикация (лиминация) – промежуточное состояние, в котором реализуется само посвящение;
- инкорпорация (агрегация) – включение личности в жизнь общества в новом качестве.

Главным содержанием инициации, как отмечает А. ван Геннеп, становится открывающийся посвящаемым культурно-исторический опыт: мифы о богах, героях-первопредках, сведения о происхождении и предназначении ритуальных предметов [1, с. 54]. Именно это знание дает право на новый социальный статус неопита.

По мнению Л. А. Мулляр, «первая стадия инициации – «сегрегационная темнота» закономерно завершается – «еходением» в транзикацию. На стадии транзикации/лиминации (непосредственная инициация) неопит проходит испытания-преодоления и продвигается на новый уровень развития-прозелита» [4].

В романе-инициации фабула подчинена закономерности перехода главного героя из одного состояния в другое. По мнению Е. М. Мелетинского, «эти этапы лучше всего назвать – «образовательными ступенями», поскольку можно проследить, какой опыт приобрел герой в том или ином эпизоде жизни и как этот опыт сказался в общей сумме результатов его воспитания» [3, с. 150]. Хронотоп характеризуется чрезвычайной субъективностью; М. М. Бахтин отмечает важность хронотопа встречи, который отличается высокой степенью эмоционально-ценностной интенсивности и неразрывно связан с хронотопом дороги [10, с. 397]. «Дорога» – преимущественное место случайных встреч. Особое значение этот хронотоп приобретает в нарративе инициации, где дорога соответствует транзитивной (лиминальной) стадии, на которой происходило посвящение. На этом этапе в сложившиеся законы социума вторгается хаос, чтобы искусственно «подорвать» основы мироздания, перестроить социальный строй и задать новый порядок [Там же]. «Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре, – пишет В. Тернер, – эти три культурные формы являются переклассификациями отношения человека к обществу, природе и культуре» [8, с. 93].

В романе-инициации присутствуют черты поэтики сказки, традиционно описывающей инициацию. Герой романа инициации – особенный ребенок, он нерадивый, никчемный или, наоборот, уникальный, выделяющийся, одаренный. Традиционным мотивом является нарушение запрета: герой покидает дом и отправляется в путешествие вопреки воле родителей. Вариацией может быть вынужденное расставание с домом (Ральф, герой романа У. Голдинга «Повелитель мух») или его экзистенциальная утрата (Дэвид Копперфильд, герой романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд»). Также в романе-инициации практически обязательно встречается смерть, так как она неотделима от инициации, в комплексе которой присутствует ритуальное убийство самого неопита, которое символизирует окончательный разрыв со старым, невозможность возвращения к исходной точке.

Сэлинджер использует традиционные элементы сказового нарратива инициации. Холден – нерадивый сын, «необразованный, хоть и много читает» [6, с. 24], сам говорит о себе, что в семье все дети умны, кроме него. Он учится уже в четвертой школе, завалил четыре предмета из пяти. Холден воспринимает жизнь легко, в своих поступках он внутренне свободен, не зажат рамками общества, но инфантилен, безответствен.

Сознанию Холдена свойственны детскость, наивность, по сути, его возраст абстрактен и не соответствует внутреннему миру, поэтому часто Холден ведёт себя, как ребенок:

«Мне тогда было шестнадцать, а теперь мне уже семнадцать, но иногда я так держусь, будто мне лет тринадцать, не больше» [Там же, с. 15].

Нарушая запрет, он покидает школу, отправляясь в авантюрное путешествие. В течение этого опасного, полного приключений пути он попадает в ситуации, связанные с необходимостью защитить себя, проявить мужское начало: это драки, телесные повреждения, кровь – всё то, с чем встречался во время посвящения не-офит. Но Холден часто оказывается не готовым к агрессии, по-детски уязвимым, неспособным постоять за себя:

«Лучше уж пусть меня бьют – хотя мне это вовсе не по вкусу, сами понимаете, – но я ужасно боюсь бить человека по лицу, лица его боюсь» [Там же, с. 98].

Холден не знает, кто он, его путешествие сопряжено с экзистенциальными переживаниями, внутренними метаниями, ощущением необходимости выбора собственного пути.

«Слушай, как это поступают в монастырь? – спрашиваю я. Мне вдруг вздумалось уйти в монастырь. – Надо быть католиком или нет?» [Там же, с. 164].

«Слушай! – говорю. – Вот какая у меня мысль. Хочешь удрать отсюда ко всем чертям?» [Там же, с. 168].

В течение всего путешествия он примеряет на себя разные имена и социальные роли:

«Рудольф Шмит, – говорю. А Рудольф Шмит был старик швейцар в нашем корпусе» [Там же, с. 73].

«Я сказал, что меня зовут Джим Стил, нарочно сказал» [Там же, с. 152].

В самом откровенном и настоящем разговоре, встретившись с сестренкой, Холден признается, что настоящая его мечта – ловить детишек на краю пропасти. Холден – герой, который не готов жить по законам того общества, в котором существует, он не проходит инициацию, нельзя сказать, что после всех физических и духовных испытаний он духовно изменился, оказался в точке невозврата; герой сам признается, что не знает, изменился или нет. Но не проходит испытаний он, потому что общество ненормально, перевернуто, духовные и нравственные ориентиры в нем смещены, обряд не институализирован, все происходит спонтанно; герой встречает людей, не достойных встречи с неофитом в такой ответственный момент, они не могут ничего ему подарить, духовно обогатить, научить. Ощущение безумия окружающего мира, хаоса, одиночества и полного непонимания является лейтмотивом:

«В такси я надел свою красную охотничью шапку просто ради шутки, но в вестибюле я ее снял, чтобы не приняли за психа. Смешно подумать: я тогда не знал, что в этом подлом отеле полным-полно всяких психов. Форменный сумасшедший дом» [Там же, с. 81].

Особенно многогранно и выпукло черты героя проявляются в действии; события, происходящие с Холденом, постоянно комментируемые им, глубже раскрывают его внутренний мир и мировоззрение. В. Шмид [12] подчеркивает важность изменения исходной ситуации; Ю. М. Лотман называет это «перемещение персонажа через границу семантического поля» или «пересечение запрещающей границы» [12, с. 282].

Н. Д. Тамарченко определяет событие и по отношению продвижения субъекта к намеченной цели: «Событие – перемещение персонажа, внешнее или внутреннее (путешествие, поступок, духовный акт), через границу, разделяющую части или сферы изображенного мира в пространстве и времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от нее» [7, с. 171].

Фактичность и результативность представляют собой необходимые условия события. Без них изменение претендовать на статус события не может.

В романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» «внутренняя» и «внешняя» ситуации неразрывно связаны, совмещение географического, психологического и точечного хронотопа и предельная конкретизация пространства воплощают философские мотивы пути, хождения, встречи, обретения знания, это длящийся процесс взросления, постижения мира, нахождения себя. Встреча людей разных социальных сословий, Холден узнает законы общества, в котором живет, как неофиты узнавали традиции племени. Но в обществе, в котором живет Холден, всё перевернуто, это мир сумасшедших.

Обряды инициации, сопровождавшиеся голодом, холодом, жаждой, вызывали состояние, которое посвящаемый считал смертью. Вызывали они и временное сумасшествие: после возвращения неофит забывал имя, не узнавал родителей. В целом, можно отметить ощущение болезни, безумия, которое было свойственно посвящаемым. В романе Сэлинджера сумасшествие героя проходит через всё произведение, выражаясь во внутренних монологах, повторах, гиперболах.

«По дороге в ванную я стал воображать, что у меня пуля в кишках» [6, с. 133].

«А теперь я вдруг стал думать, как я заболел воспалением лёгких – волосы у меня совершенно облезли – и как я умру» [Там же, с. 219].

Также интересно отметить ещё одну деталь: часто в поэтике сказки у героя в руках оказывается какой-нибудь волшебный дар, это предмет (кольцо, ширинка, шарик и многое другое) или животное. У Холдена функцию оберега выполняет его красная охотничья шапка, одетая задом наперед, она, как антисоциальный символ и шутовской колпак, проходит через всё произведение:

«Это была охотничья шапка с очень-очень длинным козырьком. Я ее надевал задом наперед – глупо, конечно, но мне так нравилось» [Там же, с. 24].

Особого внимания заслуживает место инициации. Как отмечает В. Я. Пропп, место, в которое попадает герой, отделено от отцовского дома непроходимым лесом, морем, огненной рекой с мостом, где притаился змей, или пропастью, куда герой проваливается или спускается [5]. Описывается это пространство как глухой, непроходимый, темный и таинственный лес, «кругом ночь черная, лес густой, ветер злой» [Там же, с. 297]; герой-неофит должен пройти через эту сегрегационную темноту, дремучесть бытия, чтобы ощутить социально-онтологический свет.

Таков Нью-Йорк в описании Холдена: он бескрасочен, холоден, бездушен.

«А тут еще вокруг было так тихо, так пусто, что становилось еще тоскливее. На улице ни души, хоть была суббота. Нью-Йорк вообще страшный, когда ночью пусто и кто-то гогочет. На сто миль слышно. И так становится тоскливо и одиноко» [6, с. 228].

Традиционно инициация описывается как постижения трех таинств – священного, смерти и сексуального. Холден также сталкивается с сексуальным опытом. Вместо звонка Джейн Холден звонит «не то чтобы настоящей шлюхе, но, как говорил этот малый из Принстона, она иногда и не отказывала» [Там же, с. 84]. Травмирующее сексуальное переживание связано как с неопытностью, ранимостью героя, так и с тем, что этот акт десакрализован, предельно груб; Холден встречается с проституткой, а в основе инициации не может быть аморальности. Поэтому, находясь в перевернутом мире, мире сумасшедших, где духовные ценности утрачены и главные экзистенциальные переживания человека десакрализованы, неопит встречается с грубостью и пошлостью, и его опыт неудачен, провален.

На протяжении всего этапа транзисии герой испытывает религиозные переживания, осмысливает свое отношение к религии, Богу, церкви.

«А я сказал, что бедного Христа, наверно, стошнило бы, если б он посмотрел на эти маскарадные тряпки. Салли сказала, что я богохульник и атеист» [Там же, с. 175].

Во время транзисии неопит испытывает множество переходных пограничных состояний, это уникальный экзистенциальный и трансцендентальный опыт. Ощущения Холдена можно описать как галлюцинации, промежуточные состояния между сном и явью. Всё это было свойственно посвящаемым.

«Когда я перебежал через дорогу, мне вдруг показалось, что я исчез» [Там же, с. 10].

Посвящаемым часто давали дурманящее отвары, лишали сна, чтобы вызвать переходные, обостренные состояния. Герою Сэлинджера также свойственны нарушение сна, частое употребление алкоголя.

«Я заказал виски с содовой, это мой любимый напиток после дайкири со льдом. Одно могу сказать – пить я умею. Могу хоть всю ночь пить, и ничего не будет заметно, особенно если я в настроении» [Там же, с. 134].

Особого внимания заслуживают бинарные оппозиции учитель – ученик, ложный учитель – ученик, которые обрамляют композицию. В начале романа Холден встречается с учителем истории Спенсером.

«Только я вошел – и уже пожалел, зачем меня принесло. Не хотелось слушать» [Там же, с. 13].

Совершенно иными красками описана встреча Холдена с мистером Антолини в конце романа.

«Он был самым лучшим из всех моих учителей, этот мистер Антолини» [Там же, с. 231].

Холден по-настоящему безразличен учителю, кроме того, эпизод с мистером Антолини – один из самых ярких примеров передачи «точки зрения» другому персонажу, движения к объективации повествования.

Время, в котором находится персонаж, субъективно, границы дня и ночи носят лишь условный характер, время то ускользает, то тянется невыносимо долго.

Особое значение приобретают ретроспекции, выраженные в воспоминаниях нарратора, они, ретардируя основное действие, углубляют и уточняют его психологический и эмоциональный портрет, а также вносят ключевые, смыслообразующие для обряда инициации темы, например, тему смерти. «Главной темой инициации является переживание посвячительной смерти. Посвящаемых закапывают в землю, иногда заваливают сухими деревьями, делают им соответствующую раскраску, в некоторых племенах иницируемые имитируют поведение мертвых. С этим же переживанием связаны суровые, порой жестокие испытания, которые должен вынести посвящаемый» [1, с. 65]. В романе Сэлинджера тема смерти репрезентирована воспоминаниями нарратора.

«Он умер. Заболел белокровием и умер 18 июля 1946 года, когда мы жили в Мейне. Он вам понравился бы. Он был моложе меня на два года, но раз в пятьдесят умнее» [6, с. 51].

Такими же значимыми являются воспоминания о гибели Джеймса Касла, внутренние монологи и ощущения относительно собственной смерти.

Важным моментом инициации является подготовка неопита к военному делу, Холден же говорит о своей несостоятельности как воина и защитника.

«Честное слово, если будет война, пусть меня лучше выведут и расстреляют. Я и сопротивляться бы не стал» [Там же, с. 152].

Инкорпорация Холдена не воплощена в чистом виде, полной изоляции героя не получается, он проникает домой в ходе транзисии. Но можно говорить об экзистенциальной утрате дома, которая случилась раньше, разобщенности с родителями, отсутствием связи с предками.

Главным сущностным, духовным изменением героя в ходе инициации должно стать ощущение перехода на качественно новый уровень, понимание реконструкции, изменения исходной точки, необратимости, фатальной невозможности быть прежним. Обряд инициации был строго институализирован и, играя незаметную роль в становлении личности, также выполнял важнейшую функцию в жизни общества в целом, обеспечивая сохранение и накопление духовных и нравственных ценностей, традиций. Мир, в котором неопит пребывал, был миром священным. Между ним и внешней средой в это время существовал разрыв, транзисия вводила подростка в мир духовных ценностей и открывала законы общества, он узнавал мифы и священные традиции племени, процесс обряда был проверкой силы воли и духа неопита. Многочисленные запреты (лишение пищи, немота, жизнь в темноте) являлись не только упражнением в аскетизме, но и символизировали отказ от амбиций и желаний. Сталкиваясь с трудностями и болью, мальчик понимал, что не может вернуться домой прежним. Только после обрядовых испытаний подросток признавался ответственным членом общества, т.е. взрослым, со всеми присущими правами и обязанностями.

Проанализировав повествовательную модель произведения Дж. Д. Сэлинджера как романа-инициации, мы пришли к выводу о том, что видим репрезентацию основных этапов обряда, но схема сегрегации-транзисии-инкорпорации не представлена в чистом виде, мы выделяем ряд особенностей типологии и трансформации.

Для героя, экзистенциально утратившего дом, исходной точкой является школа; отправляясь в странствие, он в течение длительного времени остается наедине с собой, претерпевая духовные и физические муки, испытывая голод, лишение сна, действие алкоголя, герой Сэлинджера ощущает пограничные состояния сознания. Оставшись наедине с собой, он мучительно размышляет о выборе собственного пути, религии, переживает сексуальный опыт. Вместо опытных проводников, старейшин племени Холден сталкивается со случайными людьми, внутренне не готовыми к встрече с неопитом в такой ответственный момент и недостойными её. Вместо строго институционализованного обряда Холден попадает в перевернутый мир, мир сумасшедших, существующий без правил. Поэтому, в результате трансции, герой не меняется и не приобретает уникального духовного и физического опыта, позволяющего ему измениться, найти своё место и стать полноправным, взрослым членом общества. Холден не возвращается в покинутое общество в качестве прозелита, его полноправного участника, взрослого члена племени, после того как в долгих хождениях, исканиях и поединках доказал свою духовную и физическую силу. Герой заболевает, что уже само по себе символизирует его отстраненность, исключенность из социальных связей. Но главным критерием непрохождения является признание героем того факта, что он не знает, изменился или нет, а ведь именно точка невозврата, изменение личности неопита, а в художественном мире – типа героя является главным показателем его инициации.

Список литературы

1. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 282.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
4. Мулляр Л. А. Социально-онтологические смыслы фольклорно-сказочной инициации [Электронный ресурс]. URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2011/filosofiya/mullyar.pdf> (дата обращения: 19.03.2014).
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 364 с.
6. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. М.: Эксмо, 2004. 272 с.
7. Тмарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. М.: РГГУ, 2001. 200 с.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
10. **Формы времени и хронотопа в романе** // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 407 с.
11. Шалимов А. Б. Социальные сети и наука. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. II. С. 213-215.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

NOVEL BY J. D. SALINGER "THE CATCHER IN THE RYE" AS INITIATION NOVEL

Shalimova Nadezhda Sergeevna

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev
dm561@ya.ru

In the article the work by J. D. Salinger "The Catcher in the Rye" is considered as the novel of education which objectifies the narrative of initiation rite. The analysis of narrative model is built up as the construction of rite basic stages with the detection of narrative peculiarities of typology, its functioning and transformation. The type of character, events, type of narration and chronotope are considered in the work of J. D. Salinger as the initiation novel. Objectifying the rite basic stages, the narrative of initiation in the novel "The Catcher in the Rye" transmits its decay and loss of meaning in modern society.

Key words and phrases: rite of initiation; segregation; transition; aggregation (incorporation); initiation novel; type of character.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме обучения письменной иноязычной речи студентов технического вуза. Представлены и подробно описаны дидактические средства и приёмы обучения письменной речи, их систематизация и внедрение в процесс обучения студентов Национального исследовательского Томского политехнического университета. Особое внимание уделяется рассмотрению и описанию эксперимента по использованию комплекса, созданного на основе опыта преподавания автора.

Ключевые слова и фразы: обучение письменной речи; этапы обучения письменной речи; письменная коммуникация; методы формирования письменного высказывания; виды письменного высказывания.

Шендерова Инна Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
inna-shenderova@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ[©]

В настоящее время преподаватель иностранного языка технического вуза сталкивается с целым рядом проблем, решение которых очень важно для развития лингводидактики и педагогической науки. Особое